

РЕПЕРТУАРНАЯ БИБЛИОТЕЧКА
для художественной самодеятельности

ПРОИЗВЕДЕНИЯ
РУССКИХ
КЛАССИКОВ

ИСКУССТВО

99

2012

84/2/ос = (х) 11
П-80

РЕПЕРТУАРНАЯ БИБЛИОТЕЧКА
ДЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Выпуск II

ПРОИЗВЕДЕНИЯ
РУССКИХ
КЛАССИКОВ

~~434-133~~

1943 г.
ЗАВ. № 518.
И. КОМИТЕТ
И. КОМИТЕТ
И. КОМИТЕТ

Государственное издательство
„ИСКУССТВО“
Москва 1943 Ленинград

Туда, где знамя брани веет,
Туда, где гром войны гремит,
Где воздух стонет, солнце меркнет.
Земля дымится и дрожит;

Где жизнь бледнеет и трепещет,
Где злобы, клятвы, ада дщерь,
Где смерть с улыбкой пожирает
Тьмы жертв и кровь их жадно пьет, —

Туда спеши, о сын России!
Разить бесчисленных врагов!
Как столб огня, палящий нивы,
Теки, стремись по их рядам!

Перуном будь и стрелы грома
Бросай на них и всех губи!
Да в буре гнева глас промчится:
Умри, умри России враг!..

1788.

К. Ф. Рылев

ИВАН СУСАНИН

«Куда ты ведешь нас? Не видно ни зги!.. —
Сусанину с сердцем вскричали враги.—
Мы вязнем и тонем в сугробинах снега,
Нам, зная, не добраться с тобой до ночлега.
Ты сбился, брат, верно, нарочно с пути,
Но тем Михаила тебе не спасти!

Пусть мы заблудились, пусть выюга бушует,
Но смерти от ляхов ваш царь не минует!..
Веди ж нас — так будет тебе за труды,

Иль бойся — недолго у нас до беды!
Заставил всю ночь нас пробиться с метелью...
Но что там чернеет в долине за елью?..» —

«Деревня! — сарматам в ответ мужичок. —
Вот гумна, заборы, а вот и мосток.
За мною! в ворота! — Избушечка эта
Во всяксе время для гостя нагрета.
Войдите — не бойтесь!» — «Ну, то-то, москаль!..
Какая же, братцы, чертовская даль!

Такой я проклятой не видывал ночи!
Слепились от снега соколии очи...
Жупан мой — хоть выжми, нет нитки сухой!» —
Вошел, проворчал так сармат молодой.
«Вина нам, хозяин, мы смокли, иззябли!
Скорей!.. Не заставь нас приняться за сабли!»

Вот скатерть простая на стол постлана,
Поставлено пиво и кружка вина,
И русская каша и щи пред гостями,
И хлеб перед каждым большими ломтями.
В окончины ветер, бушуя, стучит,
Уныло и с треском лучина горит.

Давно уж за полночь!.. Сном крепким объаты,
Лежат беззаботно по лавкам сарматы.
Все в дымной избушке вкушают покой;
Один настороже Сусанин седой...
Вполголоса молит в углу у иконы
Царю молодому святой обороны.

Вдруг кто-то к воротам подъехал верхом.
Сусанин поднялся и к двери тайком...
«Ты ль это, родимый?.. А я за тобою!

Куда ты уходишь ненастной порою?
За полночь... а ветер еще не затих,
Наводишь тоску лишь на сердце родных!» —

«Приводит сам бог тебя к этому дому!
Мой сын, поспешай же к царю молодому:
Скажи Михаилу, чтоб скрылся скорей,
Что гордые ляхи, по злобе своей,
Его потаенно убить замышляют
И новой бедою Москве угрожают!

Скажи, что Сусанин спасает царя,
Любовью к отчизне и вере горя;
Скажи, что спасенье в одном лишь побеге
И что уж убийцы со мной на ночлеге». —
«Но что ты затеял? Подумай, родной!
Убьют тебя ляхи... Что будет со мной?

И с юной сестрою и с матерью хилой?» —
«Творец защитит вас святой своей силой.
Не даст он погибнуть, родимые, вам:
Покров и помощник он всем сиротам.
Прощай же, о сын мой, нам дорого время!
И помни: я гибну за русское племя!»

Рыдая, на лошадь Сусанин молодой
Вскочил и помчался свистящей стрелой.
Луна между тем совершила полкруга;
Свист ветра умолкнул, утихнула вьюга,
На небе восточном зарделась заря:
Проснулись сарматы, злодеи царя.

«Сусанин! — вскричали, — что молишься богу?
Теперь уж не время — пора нам в дорогу!»
Оставив деревню шумящей толпой,

В лес темный вступают окольной тропой.
Сусанин ведет их... Вот утро настало,
И солнце сквозь ветви в лесу засияло:

То скроется быстро, то ярко блеснет,
То тускло засветит, то вновь пропадет.
Стоят, не шелохнясь, и дуб, и береза,
Лишь снег под ногами скрипит от мороза,
Лишь временно ворон, вспорхнув, прошумит,
И дятел душлистую иву долбит.

Друг за другом идут в молчаньи сарматы;
Все дале и дале седой их вожатый.
Уж солнце высоко сияет с небес;
Все глуше и диче становится лес,—
И вдруг пропадает тропинка пред ними;
И сосны, и ели, ветвями густыми

Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стену из сучьев сплели.
Вотще настороже тревожное ухо:
Все в том захолустьи и мертво, и глухо...
«Куда ты завел нас?» — лях старый вскричал.
«Туда, куда нужно! — Сусанин сказал.—

Убейте! замучьте! Моя здесь могила! —
Но знайте и рвитесь — я спас Михаила!
Предателя, мнили, во мне вы нашли:
Их нет и не будет на русской земли!
В ней каждый отчизну с младенчества любит
И душу изменой свою не погубит».

«Злодей! — закричали праги, закипев.—
Умрешь под мечами!» — «Не страшен ваш гнев!
Кто русской по сердцу, тот бодро и смело

И радостно гибнет за правое дело!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнув, умру за царя и за Русь!»

«Умри же!» — сарматы герою вскричали.
И сабли над старцем, свистя, засверкали.
«Погибни, предатель! Конец твой настал!»
И твердый Сусанин весь в язвах упал!

1823.

Ф. Н. Глинка

МОСКВА

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!

Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах...
Сколько храмов, сколько башен
На семи твоих холмах!

Исполинскою рукою
Ты, как хартия, развит
И над малою рекою
Стал велик и знаменит.

На твоих церквах старинных
Вырастают деревья;
Глаз не схватит улиц длинных...
Это — матушка-Москва!

Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто сбьет златую шапку
У Ивана-звонаря?..

Кто царь-колокол подымет?
Кто царь-пушку повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У святых Кремля ворот?..

Ты не гнула крепкой выи
В бедовой своей судьбе —
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе?

Ты, как мученик, горела,
Белокаменная,
И река в тебе кипела
Бурнопламенная!

И под пеплом ты лежала
Полоненною,
И из пепла ты восстала
Неизменною!

Процветай же славою вечной,
Город храмов и палат,
Град срединный, град сердечный,
Коренной России град!

1841.

ЮРИЙ МИЛОСЛАВСКИЙ, ИЛИ РУССКИЕ
В 1612 ГОДУ

(Отрывок из романа)

...Солнце взошло во тишина и молчание царствовали еще повсюду. Вдруг прозвучал на соборной колокольне первый удар колокола, за ним другой, вот третий... все чаще, все сильнее... призывный гул промчался по всей окрестности, и все ожило в Нижнем Новгороде.

— Ахти, никак, пожар! — вскричал Алексей, вскочив с своей постели. Он подбежал к окну, подле которого стоял уже его господин. — Чтоб это значило? — продолжал он. — К заутрени, что ль?.. Нет! Это не благовест!.. Точно... бьют в набат!.. Ну, вот и народ зашевелился!.. Глядь-ка, боярин!.. Все бегут сюда... Эх их высыпало! Да этак скоро и на улицу не продерешься!

— Одевайся, Юрий Дмитрич, — сказал Истома Туренин, войдя в их покои. — Пойдем посмотреть, что там еще этот глухой народ затевает?

В две минуты Милославский и слуга его были уже всем одеты. Они с трудом могли выйти за ворота дома; вся их улица, ведущая на городскую площадь, кипела народом.

— Тише, детушки, тише! — говорил, запыхавшись, один седой старик, которого двое взрослых внучат вели под руки. — Дайте дух перевести!

— Ну, отдохни, дедушка, — сказал один из внучат, — да только поскорее, а то как опоздаем, так не продеремся к Лобному месту.

— И не услышим, что будет говорить Козьма Минин, — подхватил другой внук. — Ну, что, отдохнул ли, родимой?

— Ух, батюшки!.. Погодите!.. Вовсе уморился!..

— Напрасно, дедушка, ты не остался дома.

— Что ты, дитяtko, побойся бога! Остаться дома, когда дело идет о том, чтоб живот свой положить за матушку святую Русь!.. Да если бы и вас у меня не было, так я ползком бы приполз на городскую площадь.

— Постой-ка!.. Да вот и батюшка! — сказал первый внук. — Втроем-то мы тебя и на руках донесем.

Сын и двое внучат, подхватя на руки старика, пустились почти бегом по улице.

— Да что ж ты отстаешь, жена! — сказал, приостановившись, небольшого роста, но плотный посадский, оборотясь к толстой горожанке, которая, спотыкаясь и едва дыша от усталости, бежала вслед за ним.

— Задохнулась, Терентий Никитич!.. Видит бог, задохнулась!

— Вот то-то же! И зачем тебя нелегкая понесла! Сидела бы дома на печи!..

— И, батюшка! Да разве я не хочу также послушать, о чем вы на площади толковать будете?

— Вестимо о чем, когда итти на супостатов.

— И ты пойдешь, Терентий Никитич?

— А как же? Разве я не такой же православный, как и все?

— А ребятинки-то наши! На кого их покинешь?.. Ведь мал-мала меньше!

— Да, жаль, что маленьки! Правда, старшему двенадцать годков, так он от меня не отстанет.

— Как, батюшка!.. Ты хочешь?..

— А что ж? Не подымет рогатины, так с ножом пойдет; авось, хоть одного супостата на тот свет отправит, — и то бы слава богу!

Тут новая толпа, хлынув рекою из поперечной улицы, увлекла за собою посадского и жену его.

Как бурное море, шумел и волновался народ на городской площади, бояре и простолюдины, именитые граждане

и люди ратные — все теснились вокруг Лобного места; на всех лицах изображалось нетерпеливое ожидание. Вдруг народ зашумел более прежнего, раздались громкие восклицания: «Вот Козьма Минин! Глядите, вон он!», и человек средних лет, весьма просто одетый, но осанистый и видный собою, взшел на Лобное место. Оборотясь к соборным храмам, он трижды сотворил крестное знамение, поклонился на все четыре стороны, и по мановению руки его утихло все вокруг Лобного места; мало-помалу молчание стало распространяться по всей площади, шум отдалялся, глухой говор бесчисленного народа становился все тише... и через несколько минут лишенный зрения мог бы подумать, что городская площадь совершенно опустела.

— Граждане нижегородские! — начал так бессмертный Минин. — Кто из вас не ведает всех бедствий царства Русского? Мы все видим его гибель и разорение, а помощи и очищения ниоткуда не часм. Доколе злодеям и супостатам напоять землю русскую кровью наших братьев? Доколе православным стонать под позорным ярмом иноверцев?.. Покинем ли в руках иноверцев сиротствующую Москву?.. Ответствуйте, граждане нижегородские!

— Нет, нет! — загремела тысяча голосов. — Идем к Москве. Не выдадим святую Русь!..

— Итак, во имя божие, к Москве!.. Но чтоб не бесплодно положить нам головы, а смертью нашей искупить отечество, мы должны избрать достойного всеводу. Я был в Пурецкой волости у князя Димитрия Михайловича Пожарского. Едва излечившийся от глубоких ран, сей неустрашимый военачальник готов снова обнажить меч и трянуть божиею грозой на супостата. Граждане нижегородские! Хотите ли иметь его главою, люб ли вам стольник и знаменитый воевода князь Димитрий Михайлович Пожарской?

— Хотим, хотим! Он люб нам! — воскликнул народ, волнуясь час от часу более.

— Граждане и братья! — продолжал Минин. — Для содержания людей ратных отдадим все золото и серебро. А если мало и сего, продадим все имущество, заложим жен и детей наших... Вот все, что я имею! — продолжал он, бросив на Лобное место большой мешок, наполненный серебряной монетою. — И пусть выступит желающий купить мой дом — с сего часа он принадлежит не мне, а Нижнему Новгороду; а я сам, мы все, вся кровь наша — земскому делу и всей земле Русской!

— Отдаем все наши имущества! Умрем за веру православленную и святую Русь! — загремели бесчисленные голоса. — Нарекаем тебя выборным от всея земли человеком! Храни казну нижегородскую! — воскликнул весь народ.

...Все спешили по домам, чтоб сносить свои имущества на площадь, и не прошло получаса, как вокруг Лобного места вывешались горы серебряных денег, сосудов и различных товаров: простой холст лежал подле куска дорогой парчи, мешок медной монеты — подле кошелька, наполненного золотыми деньгами. Гражданин Минин принимал все с равной ласкою, благодарил всех именем Нижнего Новгорода и всей земли Русской, и хотя несколько сот рабочих людей переносили беспрестанно эти дары в приготовленные для сего кладовые на берегу Волги, но число их, казалось, ни мало не уменьшалось.

А. С. Пушкин

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА

(Отрывок)

Великий день Бородина
Мы братской тризной поминая
Твердили: «Шли же племена,
Бедой России угрожая;

Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела!..
Но стали ж мы пятою твердой
И грудью приняли напор
Племен, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор.
И что ж? Свой бедственный побег,
Кичась, они забыли ныне;
Забыли русский штык и снег,
Погребший славу их в пустыне.
Знакомый пир их манит вновь —
Хмельна для них славяннов кровь;
Но тяжко будет их похмелье;
Но долог будет сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под знаком северных полей!»

1831.

А. С. Пушкин

ИЗ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»

(Отрывок)

...Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!
Вот, окружен своей дубравой,
Петровский замок. Мрачно он
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля;

Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.
Отселе, в думу погружен,
Глядел на грозный пламень он.

А. С. Пушкин

ПОЛТАВА

(Отрывок)

Горит восток зарею новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули.
В кустах рассыпались стрелки.
Катятся ядра, свищут пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые победы,
Сквозь огонь окопов рвутся шведы;
Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжелой твердостью своею
Ее стремления крепит.
И битвы поле роковое
Гремит, пылает здесь и там;
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
...Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамен,

И бола браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен.

... ать, свыше вдохновенный,
... дался звучный глас Петра:
... дело, с богом!» Из шатра,
... мпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могущим седоком.

Уж близок полдень. Жар пылает.
Как сахарь, битва отдыхает.
Кой-где гарцуют казаки.
Ровнясь строятся полки.
Молчит музыка боевая.
На холмах пушки, присмирив,
Прервали свой голодный рев.
И се — равнину оглашая —
Далече грянуло ура:
Полки увидели Петра.

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова —

В пренах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шерметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.

И перед синими рядами
Своих воинственных дружин,
Несомый верными слугами,
В качалке, бледен, недвижим,
Страдая раной, Карл явился.
Вожди героя шли за ним.

9383
Он в думу тихо погрузился.
Смущенный взор изобразил
Необычайное волнение.
Казалось, Карла приводил
Желанный бой в недоуменье..
Вдруг слабым манием руки
На русских двинул он полки.

234
И с ними царские дружины
Сошлись в дыму среди равнины;
И грянул бой, Полтавский бой!
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся с плеча.
Бросая груды тел на груды;
Шары чугунные повсюду

Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский — колет, рубит, режет,
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.

...Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! о славный вид!
Еще напор — и враг бежит;
И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Как роем черной саранчи.

1828.

А. С. Пушкин

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

(Отрывок)

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц и светла
Адмиралтейская игла,

И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз,
И блеск, и шум, и говор балов,
А в час пирушки холостой
Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой.
Люблю воинственную живость
Потешных марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда полнощная царица
Дарует сына в царский дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует,
Или, взломав свой синий лед,
Нева к морям его несет
И, чуя вешни дни, ликует.

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия.
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия;

Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщегной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!

1833.

М. Ю. Лермон

РОДИНА

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что не знаю сам? —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее подобные морям...
Проселочным путем люблю скакать в телеге,
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;

Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз,
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,

Набу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

1841.

М. Ю. Лермонтов

БОРОДИНО

— Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана.
Ведь были ж схватки боевые?
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы.

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют что ли командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!

Построили редут.

У наших ушки на макушке!

Чуть утро осветило пушки

И леса синие верхушки —

Французы тут-как-тут.

Забил заряд я в пушку туго

И думал: угощу я друга!

Постой-ка, брат мусь-о —

Что тут хитрить, пожалуй к бою;

Уж мы пойдем ломить стеною,

Уж постоим мы головою

За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.

Что толку в этакой безделке?

Мы ждали третий день.

Повсюду стали слышны речи:

«Пора добратся до картечи!»

И вот на поле грозной сечи

Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,

И слышно было до рассвета,

Как ликовал француз.

Но тих был наш бивак открытый:

Кто кивер чистил весь избитый,

Кто штык точил, ворча сердито,

Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,

Все шумно вдруг зашевелилось,

Сверкнул за строем строй.

Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам..
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?»
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,

И все на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..

Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,

Что значит русский бой удалый,

Наш рукопашный бой!..

Земля тряслась — как наши груди,

Смешались в кучу кони, люди,

И залпы тысячи орудий

Слились в протяжный вой!..

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый

И до конца стоять...

Вот затрещали барабаны —

И отступили бусурманы.

Тогда считать мы стали раны,

Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,

Могучее, лихое племя:

Богатыри — не вы!

Плохая им досталась доля:

Немногие вернулись с поля.

Когда б на то не божья воля,

Не отдали б Москвы.

1837.

М. Ю. Лермонтов

Из поэмы «САШКА»

(Отрывок)

Москва, Москва!.. Люблю тебя, как сын,

Как русский, — сильно, пламенно и нежно!

Люблю срященный блеск твоих седи

И этот Кремль зубчатый, безмятежный.

Напрасно думал чуждый властелин

С тобой, столетним русским великаном,

Померяться главою и обманом

Тебя низвергнуть. Тщетно поражал

Тебя пришлец: ты вздрогнул — он упал!

Вселенная замолкла... Величавый,

Один ты жив, наследник нашей славы.

Ты жив!.. Ты жив, и каждый камень твой —

Заветное преданье поколений.

139.

МЕРТВЫЕ ДУШИ

(Отрывок)

Русь! Русь! Вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу. Бедно, разбросанно и неприятно в тебе; не развеселят, не испугают взоров дерзкие дива природы, солнечные дерзкими дивами искусства — города с многоэтажными, высокими дворцами, вросшими в утесы, картинные деревья и плющи, вросшие в дома, в шуме и вечной пыли водопадов; не опрокинется назад голова посмотреть на стремоздящиеся без конца над нею и в вышине каменные скамбы; не блеснут сквозь наброшенные одна на другую каменные арки, опутанные виноградными сучьями, плющами и несметными миллионами диких роз, не блеснут сквозь них вдали вечные линии сияющих гор, несущихся в серебряные, ясные небеса. Открыто-пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города: ничто не обольстит и не очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоска, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет, и рыдает, и хватается за сердце? Какие звуки болезненно лобзают и стремятся в душу, и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что видишь есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?.. И еще, полный недоумения, неподвижно стою я, а уже глаголу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и осемела мысль пред твоим пространством. Что пророчит тебе необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспрельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли

не быть богатырю, когда есть место, где развернуться
пройтись ему? И грозно объемлет меня могучее простран-
ство, страшною силою отразясь во глубине моей; неест-
ственной властью осветились мои очи... У, какая сверкающая
чудная, незнакомая земле даль. Русь!..

1842.

Н. П. Огарев

СВОБОДА

Когда я был отроком тихим и нежным,
Когда я был юношей страстно-мятежным,
И в возрасте зрелом, со старостью смежном, —
Всю жизнь мне все снова, и снова, и снова
Звучало одно неизменное слово:
Свобода! Свобода!

...И вот на чужбине, в тиши полунощной,
Мне издали голос послышался мощный..
Сквозь вьюгу сырую, сквозь мрак беспомощной,
Сквозь все завывания ветра ночного
Мне слышится с родины юное слово:
Свобода! Свобода!

И сердце, так дружное с горьким сомненьем,
Как птица из клетки, простясь с заточеньем,
Взыграло впервые отрадным биеньем,
И как-то торжественно, весело, ново
Звучит теперь с детства знакомое слово:
Свобода! Свобода!

И все-то мне грезится — снег и равнина,
Знакомое вижу лицо селянина,
Лицо бородатое, мощь исполина,

И он говорит мне, снимая оковы,
Мое неизменное, вечное слово:
Свобода! Свобода!

Но если б грозила беда и невзгода,
И рук для борьбы захотела свобода,—
Сейчас полечу на защиту народа,
И если паду я средь битвы суровой,
Скажу, умирая, могучее слово:
Свобода! Свобода!

1857.

А. В. Кольцов

ВОЕННАЯ ПЕСНЯ

Затрубили трубы бранные,
Собралась рать могучая,
Стала грудью против недруга —
За царя, за кров, за родину.

Ты прости теперь, отец и мать,
Ты прости теперь, мой милый друг,
Ты прости теперь, и степь, и лес,
Дорогая жизнь, весь белый свет!

Гей, товарищ мой, железный штык!
Послужи ж ты мне по-старому:
Как служил ты при Суворове
Силачу-отцу, деду-воину.

Гей, сестра, ты — сабля острая!
Попируем мы у недруга,
Погуляем, с ним потешимся,
Выпьем браги бусурманские!..

Уж когда мне, добру молодцу,
Присудил бог сложить голову —
Не на землю ж я сложу ее!
А сложить-сложу на груди тел...

Труба бранная, военная!
Что молчишь? Труби, дай волю мне:
В груди сердце богатырское
Закипело, расходилося!

1840.

И. С. Никитин

РУСЬ

Под большим шатром
Голубых небес, —
Вижу — даль степей
Зеленеется.

И на гранях их,
Выше темных туч,
Цепи гор стоят
Великанами.

По степям, в моря,
Реки катятся,
И лежат пути
Во все стороны.

Посмотрю на юг —
Нивы зрелые,
Что камыш густой,
Тихо движутся;

Мурава лугов
Ковром стелется,
Виноград в садах
Наливается.

Гляну к северу —
Там, в глуши пустынь,
Снег, что белый пух,
Быстро кружится;

Подымает грудь
Море синее,
И горами лед
Ходит по морю,

И пожар небес
Ярким заревом
Освещает мглу
Непроглядную...

Широка ты, Русь,
По лицу земли,
В красе царственной,
Развернулася!

У тебя ли нет
Поли чистого,
Где б разгул нашла
Воля смелая?

У тебя ли нет
Про запас казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?

У тебя ли нет
Богатырских сил,
Старины святой,
Громких подвигов?

Перед кем себя
Ты унизила?
Кому в черный день
Низко кланялась?

На полях своих,
Под курганами
Положила ты
Татар полчища.

И давно ль было,
Когда с запада
Облегла тебя
Туча темная?

Под грозой ее
Леса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася,

И зловеший дым
От горевших сел
Высоко вставал
Черным облаком!

...Вдруг со всех концов
Поднялася Русь.

Собрала детей,
Стариков и жен,
Приняла гостей
На кровавый пир.

И в глухих степях,
Под сугробами,
Улеглися спать
Гости навеки.

Хоронили их
Вьюги снежные,
Бури севера
О них плакали!..

...И во всех концах
Света белого
Про тебя идет
Слава громкая.

Уж и есть за чтó,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,

Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!

1851.

Н. А. Некрасов

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО

(Отрывок)

...Подходит лето красное,
Ждем грамоты... Пришла...
А в ней уведомление,
Что господин Шалашников
Под Варною убит.
Жалеть не пожалели мы,
А пала дума на сердце:

«Приходит благоденствию
Крестьянскому концу!»
И точно: небывалое
Наследник средство выдумал:
К нам немца подослал.
Через леса дремучие,
Через болота топкие
Пешком пришел, шельмец!
Один, как перст: фуражечка
Да тросточка, а в тросточке
Для уженья снаряд.
И был сначала тихонькой:
«Платите, сколько можете»,

— Не можем ничего!
«Я барина уведомлю»
— Уведомь!... Тем и кончилось.
Стал жить да поживать;
Питался больше рыбою,
Сидит на речке с удочкой
Да сам себя то по носу,
То по лбу — бац да бац!
Смеялись мы: «Не любишь ты
Корежского комарика...
Не любишь, немчура?..»
Катается по бережку,
Гогочет диким голосом,
Как в бане на полке...

С ребятами, с девочками
Сдружился, бродит по лесу...
Недаром он бродил!..
«Коли платить не можете,
Работайте!» — А в чем твоя
Работа? — «Окопать
Канавами желательно
Болото...» Окопали мы...
«Теперь рубите лес...»
Ну, хорошо! Рубили мы,
А немчура показывал,
Где надобно рубить.
Глядим, выходит просека!
Как просеку прочистили,
К болоту поперечины
Велел по ней возить,
Ну, словом: спохватились мы,
Как уж дорогу сделали,
Что немец нас поймал!..

Поехал в город парочкой!
Глядим, везет из города
Коробки, тюфяки,
Откудова ни взялися
У немца босоногого
Детишки и жена.
Повел хлеб-соль с исправником
И с прочей земской властью,
Гостишек полон двор!..

И тут настала каторга
Корежскому крестьянину —
До нитки разорил!
А драл... как сам Шалашников!
Да тот был прост: накинется
Со всей воинской силою,
Подумаешь: убьет!
А деньги сунь, отвалится,
Ни дать, ни взять раздувшийся
В собачьем ухе клещ.
У немца — хватка мертвая:
Пока не пустит пó-миру,
Не отойдя, сосет!

...А немец, как ни властвовал,
Да наши топоры
Лежали — до поры!

Осьмнадцать лет терпели мы.
Застроил немец фабрику,
Велел колодец рыть.
Вдевятером копали мы,
До полдня проработали,
Позавтракать хотим.

Приходит немец: «Только-то?..»
И начал нас по-своему,
Не торопясь, пилить.
Стояли мы голодные,
А немец нас поругивал
Да в яму землю мокрую
Пошвыривал ногой.
Была уж яма добрая...
Случилось, я легонечко
Толкнул его плечом,
Потом другой толкнул его,
И третий... Мы посгрудились..
До ямы два шага...
Мы слова не прсмолвили,
Друг другу не глядели мы
В глаза.. а всей гурьбой
Христьяна Христианыча
Поталкивали бережно
Все к яме... все на край...
И немец в яму бухнулся,
Кричит: веревку! лестницу!
Мы девятью лопатами
Ответили ему.
«Наддай!» — я слово выронил,—
Под слово люди русские
Работают дружной.
«Наддай! наддай!» Так наддали,
Что ямы словно не было --
Сравнялася с землей!

Н. А. Некрас

ПОЭТ И ГРАЖДАНИН

(Отрывок)

Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойной
К отчизне холоден душой,
Ему нет горше укоризны...
Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даром... Дело прочно,
Когда под ним струится кровь.
1856.

Н. А. Некрас

МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

(Отрывок)

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц,—
Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдет — словно солнце осветит!
Посмотрит — рублем подарит!»
Идут они той же дорогой,
Какой весь народ наш идет,
Но грязь обстановки убогой
К ним словно не липнет. Цветет
Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,

Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.

И голод, и холод выносит.
Всегда терпелива, ровна...
Я видывал, как она косит:
Что взмах — то готова копна!

Платок у ней на ухо сбился,
Того гляди косы падут.
Какой-то парнек изловчился
И кверху подбросил их, шут!

Тяжелые русые косы
Упали на смуглую грудь,
Покрыли ей ноженьки босы,
Мешают крестьянке взглянуть.

Она отвела их руками,
На парня сердито глядит,
Лицо величаво, как в раме,
Смущеньем и гневом горит...

По будням не любит безделья.
Зато вам ее не узнать,
Как сгонит улыбка веселья
С лица трудовую печать.

Такого сердечного смеха
И песни, и пляски такой
За деньги не купишь. «Утеха!» —
Твердят мужики меж собой.

В игре ее конный не словит,
В беде — не сробеет — спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!

Красивые, ровные зубы,
Что крупные перлы у ней,
Но строго румяные губы
Хранят их красу от людей —
Она улыбается редко...
Ей некогда лясы точить,
У ней не решится соседка
Ухвата, горшка попросить;
Не жалок ей нищий убогой —
Вольно ж без работы гулять!
Лежит на ней дельности строгой
И внутренней силы печать.
В ней ясно и крепко сознание,
Что все их спасенье в труде,
И труд ей несет воздаянье:
Семейство не бьется в нужде...

1873.

Н. А. Добролюбов

ДУМА ПРИ ГРОБЕ ОЛЕНИНА

(Отрывок)

...Протек для русского народа
Тьмы и тиранства долгий век!
«Я жить хочу! хочу свободы!
Я равен вам, я — человек!»

И пусть во всех концах отчизны
То слово мощно прозвучит,
Пусть всех возбудит к новой жизни
И гибель рабству возвестит!

И пусть злодеи затрепещут
И в прахе сгинут навсегда,
И ярким светом пусть заблещет
Величья русского звезда.

Вставай же, Русь, на подвиг славы,—
Борьба велика и свята!..
Возьми свое святое право
У подлых рыцарей кнута!..

Она пойдет!.. Она восстанет,
Святым сознанием полна,
И целый мир тревожно взглянет
На вольной славы знамена.

С каким восторгом и волнением
Твои полки увижу я!
О, Русь! с каким благоговеньем
Народы взглянут на тебя,

Когда, сорвав свои оковы,
Уже не ребенком иль рабом,
А вольным мужем жизни новой,
Предстанешь ты пред их судом.

Тогда республикою стройной,
В величьи благодарных чувств,
Могучий, славный и спокойный,
В красе познаний и искусств,

Глазам Европы изумленной
Предстанет русский исполин,
И на Руси освобожденной
Явится русский гражданин.

И в царстве знаний и свободы
Любовь и правда процветут,
И просвещенные народы
Нам братски руку подадут.

1853.

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧ МИНИН, СУХОРУК

(Отрывки)

Действие 2-е. Сцена 1-я

Действующие лица:

Козьма Захарьич Минин, Сухорук — земский староста
Нижнего посада.

Марфа Борисовна — богатая вдова.

Петр Аксенов — старик, богатый торговый человек.

Алексей Михайлович Поспелов — боярский сын.

Иван Кувшинников — сотник из
Балахны.

Григорий Лапша — крестьянин из
Решмы.

} Предводители восстания
на Волге.

Просторная брегенчатая светлица.

Марфа Борисовна. Послушать бы теперь, Кузьм
Захарьич,

Твоих речей. Сладка твоя беседа.

Минин. Да речь-то у меня одна все, Марфа
Борисовна.

Марфа Борисовна. Е-то нам и нужно.

Минин. Ну, так начнем! Москва разорена?

Аксенов. Разорена.

Минин. Так ей и оставаться?

Кувшинников. Как можно!

Лапша. Что ты!

Марфа Борисовна. Сохрани господь!

Минин. Москва нам корень; прочим городам?

Аксенов. Известно, корень. Что и говорить!

Минин. А если корнем основанье крепко,

Тогда стоит и древо неподвижно!

А корени не будет, — прилепиться

К чему?

Лапша. Ну, что уж!

Марфа Борисовна. Господи, помилуй!

Минин. Москва кормилица, Москва нам мать!

Кувшинников. Кормилица и мать.

Лапша. Родная мать.

Минин. А разве дети могут мать покинуть

В беде и горе?

Поспелов. Мы не покидали.

Ты сам ходил с Алябьевым по Волге

И по Оке, и воры вас боялись.

Мы с Репниным ходили и к Москве,

Да воротились, оттого, что ладу

Бог не дал воеводам. Грех на них.

Аксенов. А вот теперь и воевод-то нету:

Пожарский ранен, Ляпунов убит.

Минин. Осиротела Русь! Ни воеводы,

Печальника о нас сиротах бедных,

Ни патриарха, ни царя. Как стадо

Без пастыря, мы бродим, злому волку —

Губителю добыча.

Поспелов. Бить волков!

Кувшинников. Известно, бить! Уж будет, потерпели!

Лапша. Мы топоры и косы отточили,

Которые об них же притупили.

Кувшинников. Душа кипит, давно простору просит,

И руки чешутся.

Марфа Борисовна. За чем же дело
Откладывать? Благословясь, да с богом.
Не мешкая!

Аксенов. Отложишь поневоле.
Что скоро, то не споро, говорят.

Минин. Ты правду молвил. Не такое дело,
Чтоб торопиться.

Аксенов. Надо рассудить
Да поразмыслить.

Поспелов. Думать ваше дело.

Минин. Что есть у нас? Ни войска, ни казны,
Ни воеводы. Прежде нужны деньги;
Сберем казну, и люди соберутся,
Стрельцы, казаки. Всякого народу
По свету белому довольно бродит
Без дела и без хлеба; рады будут
Трудом себе копейку заработать.
Не все же грабить! Надо душу вспомнить!
А воеводу миром изберем.

Аксенов. Кого излюбим, тот у нас и будет.

Минин. Казна всего нужнее.

Аксенов. Верно слово.

Минин. Где взять казны?

Поспелов. Собрать, Кузьма Захарьич.

Минин. Да много ли сберешь! На разговоры
Все тароваты, а коснись до дела,
Так и попрячутся. Не то что денег,
А и самих хозяев не найдешь.

Поспелов. А ты не обижай, Кузьма Захарьич!

Аксенов. Не обижает, дело говорит.

Марфа Борисовна. Вот все, что есть, возьми
коли нужно.

Минин. Душа святая! О тебе нет речи!
Твои достатки и тебя мы знаем.

Ты все отдашь, и я отдам, и он, —
Все будет мало. С чем тут приниматься!
И только что обидим мы без пользы
Самих себя, а делу не поможем.
Кто нас послушает! В бедах и в горе
Сердца окаменели. О себе
Печется каждый, ближних забывая.

Марфа Борисовна. Так что же делать нам, Кузь-
ма Захарыч?

Минин (встает). Себя забудь и дел своих не делай!

Проси у бога разума и слова,
Сухим очам проси источник слез!
На улицу, на площадь, на базары,
Где есть народ, туда и ты иди!
Высокая апостольская доля
Будить от сна своих уснувших братий
И божьим словом зажигать сердца!
Когда увидишь, что сердца в народе
Затеплятся, как свечи пред иконой,
Тогда собирать казну на помощь ратным,
Сбирать людей на выручку Москвы!

Марфа Борисовна. Пошли господь в моем дому
печаться

Великому и праведному делу.

Минин. Хозяюшка, прощай. Пойдем, Аксеныч.

Пора итти на воеводский двор.

Сбирают нас и выборных и старост,

О грамоте подумать патриарха

И рассудить, что делать, что начать.

Аксенов. Ступай вперед, я мигом за тобою.

Минин. Хозяюшка, прости.

Марфа Борисовна. Прощенья просим.

Кушениников. За угощенье.

Марфа Борисовна. Ну, уж не взыщите.
Чем бог послал.

Лапша. За ласковое слово.

Марфа Борисовна. На предки не забудьте.

Минин. Ваши гости.

МОНОЛОГ МИНИНА

Минин. Помощи откуда ждать?

Кто на Руси за правду ополчится?

Кто чист пред богом? Только чистый может
Святое дело честно совершить.

Народ страдает, кровь отмишенья просит,

На небо вопиет. А кто подымет,

Кто поведет народ? Он без вождя,

Как стадо робкое, рассеян розно.

Нет помощи земной, попросим чуда;

И сотворит господь по нашей вере.

Молиться надо! В старину бывало,

Что в годы тяжкие народных бедствий

Бог воздвигал вождей и из народа.

Возможно ли, чтоб попустил погибнуть

Такому царству праведный господь.

Вон огоньки зажглись по берегам.

Бурлаки, труд тяжелый забывая,

Убогую себе готовят пищу.

Вон песню затянули. Нет, не радость

Сложила эту песню, а неволя.

Неволя тяжкая и труд безмерный,

Разгром войны, пожары деревень,

Житье без кровли, ночи без ночлега.

О, пойте! Громче пойте! Соберите

Все слезы с матушки широкой Руси,

Новгородские, исковские слезы,

С Оки и с Клязьмы, с Дона и с Москвы,

От Волхова и до широкой Камы.

Пусть все они в одну сольются песню
И рвут мне сердце, душу жгут огнем,
И слабый дух на подвиг утверждают.
О, господи! Благослови меня!
Я чувствую неведомые силы,
Готов один поднять всю Русь на плечи,
Готов орлом лететь на супостата,
Забрать под крылья угнетенных братьев
И грудь в бой кровавый и последний.
Час близок! Смерть злодеям! Трепещите!
Из дальнего Кремля грозит вам Минин.
А если бог отступит от меня
И за гордыню покарать захочет,
Успеха гордым замыслам не даст,
Чтоб я не мнил, что я его избранник,
Тогда я к вам приду, бурлаки-братья,
И с вами запою по Волге песню,
Печальную и длинную затянем.
И зашумят ракитовы кусты,
По берегам песчаным нагибаясь;
И позабудет бросить сеть рыбак,
И в тихом плесе на челне заплачет;
И девка с ведрами на коромысле,
Идя домой извилистой тропинкой,
Оглянется с горы и станет слушать,
И, рукавами слезы утирая,
Широкие измочит рукава;
Бурлаки запоют ее под лямкой
И балахонцы, за своей работой
Над новою расшивой, с топорами.
И понесется песня, и прольется
Из века в век, пока стоит земля.
О, господи.. Грешу я, мал я духом,
Смел усомниться в благодати твоей.

Нет, прочь сомненья! Перст твой вижу ясно.
Со всех сторон мне шепчут голоса:
«Восстань за Русь, на то есть воля божья!»

А. Н. Плещеев

Была пора: своих сынов
Отчизна к битве призывала
С толпой несметною врагов,
И бодро шла за ратью рать
И рать за ратью восставала,
Геройской смертью умирать.

Но смолк орудий страшный гул;
И, отстояв свой край родимый,
Народ великий отдохнул,
Отчизна вышла невредимо
Из той борьбы... как в старину —
В иную славную войну.

И вот опять она зовет
Своих сынов на бой упорный,
Но этот бой уже не тот...
Со злом и тьмой, с неправдой черной
Она зовет теперь на бой,
Во имя истины святой.

Не страшен нам и новый враг,
И с ним отчизна совладеет...
Смотрите. Уж редеет мрак,
Уж свет повсюду проникает.
И, содрогаясь, чует зло,
Что торжество его прошло.

СКАЗАНЬЕ О 1812 ГОДЕ

Ветер гонит от востока
С воем снежные метели...
Дикой песнью злая выюга
Заливается в пустыне..
По безлюдному простору
Без ночлега, без привала,
Точно сон теней, проходят
Славной армии остатки,
Егеря и гренадеры,
Кто окутан дамской шалью,
Кто церковною завесой,—
То в сугробах снежных вязнут,
То скользят, вразброд езярясь
На подъем оледенелый..
Где пройдут — по всей дороге
Пушки брошены, лафеты;
Снег заносит трупы коней,
И людей, и колымаги,
Нагруженные добычей.
...Посреди разбитой рати
Едет вождь ее, привыкший
К торжествам лишь да победам...
В пошевнях, на жалких клячах,
Едет той же он дорогой,
Где прошел еще недавно,
Полный гордости и славы,
К той загадочной столице,
Где, казалось, совершится
В полном блеске чудный жребий
Повелителя вселенной,

Сокрушителя империй...
Где ж вы, пышные мечтанья!
Гордый замысел... Надежды
И глубокие расчеты
Прахом стали,— и упорно
Ищет он всему разгадки,
Где и в чем его ошибка?
...Он глядит: утихла вьюга,
На морозном небе звезды,
А кругом на горизонте
Всюду зарева пожаров.
Вспомнил он дворец Петровский,
Где бояр он ждал с поклоном
И ключами от столицы...
Вспомнил он пустынный город,
Вдруг со всех сторон объятый
Морем пламени... А мира —
Мира нет... И днем, и ночью
Неустанная погоня
Вслед за ним врагов незримых...
Справа, слева — их миллионы
Там в лесах... «Так вот что значит —
Весь народ...»

И безнадежно

Вдаль он взоры устремляет:
Что-то грозное таится
Там за синими лесами,
В необъятной этой дали...

ВОЙНА И МИР

БАТАРЕЯ КАПИТАНА ТУШИНА

(Том I, ч. 2-я, гл. XX, XXI)

Про батарею Тушина было забыто, и только в самом конце дела, продолжая слышать канонаду в центре, князь Багратион послал туда дежурного штаб-офицера и потом князя Андрея, чтобы велеть батарее отступать как можно скорее. Прикрытие, стоявшее подле пушек Тушина, ушло, по чьему-то приказанию, в середине дела; но батарея продолжала стрелять и не была взята французами только потому, что неприятель не мог предполагать дерзости стрельбы четырех никем не защищенных пушек. Напротив, по энергичному действию этой батареи он предполагал, что здесь, в центре, сосредоточены главные силы русских, и два раза пытался атаковать этот пункт и оба раза был прогоняем картечными выстрелами одиноко стоявших на этом возвышении четырех пушек.

Скоро после отъезда князя Багратиона Тушину удалось захватить Шенграбен.

— Вишь, засумятились. Горит. Вишь, дым-то. Ловко. Важно. Дым-то, дым-то, — заговорила прислуга, оживаясь.

Все орудия без приказания били в направлении пожара. Как будто подгоняя, подкрикивали солдаты к каждому выстрелу: «Ловко. Вот так, так. Ишь ты... Важно». Пожар, разносимый ветром, быстро распространялся. Французские колонны, выступившие за деревню, ушли назад, но, как бы в наказание за эту неудачу, неприятель выставил перед деревней десять орудий и стал бить из них по Тушину.

Из-за детской радости, возбужденной пожаром, и азарта удачной стрельбы по французам наши артиллеристы заметили эту батарею только тогда, когда два ядра вслед за ними еще четыре ударили между орудиями одно повалило двух лошадей, а другое оторвало ногу ящичному вожатому. Оживление, раз установившееся, однако, не ослабело, а только переменяло настроение. Лошади были заменены другими из запасного лафета, раненые убраны, и четыре орудия повернуты против десяти пушечной батареи. Офицер, товарищ Тушина, был убит в начале дела, и в продолжение часа из сорока человек при слуги выбыли семнадцать, но артиллеристы все так же были веселы и оживлены. Два раза они замечали, что внизу, близко от них, показывались французы, и тогда они били по ним картечью.

Маленький человек, с слабыми, неловкими движениями, требовал себе беспрестанно у денщика еще трубочку за это, как он говорил, и, рассыпая из нее огонь, выбегал вперед и из-под маленькой ручки смотрел на французов.

— Круши, ребята, — приговаривал он и сам подхватывал орудия за колеса и вывинчивал винты.

В дыму, оглушенный беспрерывными выстрелами, составлявшими его каждый раз вздрагивать, Тушин, не выпуская своей носогрелки, бегал от одного орудия к другому, то прицеливаясь, то считая заряды, то распоряжаясь переменной и перепряжкой убитых и раненых лошадей, покрикивал своим слабым, тоненьким, нерешительным голоском. Лицо его все более и более оживлялось. Только когда убивали или ранили людей, он морщился и, отворачиваясь от убитого, сердито кричал на людей, как всегда мешкавших поднять раненого или тело. Солдаты, болшею частью красивые молодцы (как всегда в батарее), в роте на две головы выше своего офицера и вдвое шире его), все, как дети в затруднительном положении, смотре

ли на своего командира, и то выражение, которое было на его лице, неизменно отражалось на их лицах.

Вследствие этого страшного гула, шума, потребности внимания и деятельности Тушин не испытывал ни малейшего неприятного чувства страха, и мысль, что его могут убить или больно ранить, не приходила ему в голову. Напрогив, становилось все веселее и веселее. Ему казалось, что уже очень давно, едва ли не вчера, была та минута, когда он увидел неприятеля и сделал первый выстрел, и что клочек поля, на котором он стоял, был ему давно знакомым, родственным местом. Несмотря на то, что он все вспоминал, все соображал, все делал, что мог делать самый лучший офицер в его положении, он находился в состоянии, похожем на лихорадочный бред или на состояние больного человека.

Из-за оглушающих со всех сторон звуков своих орудий, из-за свиста и ударов снарядов неприятеля, из-за вида дымящейся, раскрасневшейся, торопящейся около орудий прислуги, из-за вида крови людей и лошадей, из-за вида выстрелов неприятеля на той стороне (после которых всякий раз прилетало ядро и било в землю, в человека, в орудие или в лошадь), из-за вида этих предметов у него в голове установился свой фантастический мир, который составлял для него наслаждение в эту минуту. Неприятельские пушки в его воображении были не пушки, а трубки, из которых редкими клубами выпускал дым невидимый курильщик.

— Вишь, пыхнул опять, — проговорил Тушин шепотом про себя, в то время, как с горы выскакивал клуб дыма и прямо полосой относился ветром, — теперь мячик жди — отлетать назад.

— Что прикажете, ваше благородие? — спросил фейерверкер, близко стоявший около него и слышавший, что он бормотал что-то.

— Ничего, гранату... — отвечал он.

«Ну-ка, наша Матвевна», — говорил он про себя. Матвевной представлялась в его воображении большая крайняя, старинного литья пушка. Муравьями представлялись ему французы около своих орудий. Красавец и пьяница, первый номер второго орудия в его мире был дядя; Тушин чаще других смотрел на него и радовался на каждое его движение. Звук то замиравшей, то опять усиливавшейся ружейной перестрелки под горою представлялся ему чьим-то дыханием. Он прислушивался к затиханию и разгоранию этих звуков.

— Ишь, задышала опять, задышала, — говорил он про себя. Сам он представлялся себе огромного роста, мощным мужчиной, который обеими руками швыряет французам ядра.

— Ну, Матвевна, матушка, не выдавай, — говорил он, отходя от орудия, как над его головой раздался чуждый, незнакомый голос.

— Капитан Тушин. Капитан.

Тушин испуганно оглянулся. Это был тот штаб-офицер, который выгнал его из Грунта. Он запыхавшимся голосом кричал ему:

— Что вы, с ума сошли. Вам два раза приказано отступить, а вы...

«Ну за что они меня?..» думал про себя Тушин, со страхом глядя на начальника.

— Я... ничего... — проговорил он, приставляя два пальца к козырьку. — Я...

Но полковник не договорил всего, что хотел. Близко пролетевшее ядро заставило его, нырнув, согнуться на лошади. Он замолк и только что хотел сказать еще что-то, как еще ядро остановило его. Он повернул лошадь и поспекал прочь.

— Отступить. Все отступить, — прокричал он издали.

Солдаты засмеялись. Через минуту приехал адъютант с тем же приказанием.

Это был князь Андрей. Первое, что он увидел, выезжая на то пространство, которое занимали пушки Тушина, была отпряженная лошадь с перебитой ногой, которая ржала сколо запряженных лошадей. Из ноги ее как из ключа лилась кровь. Между передками лежало несколько убитых. Одно ядро за другим пролетало над ним в то время, как он подъезжал, и он почувствовал, как нервическая дрожь пробежала по его спине. Но одна мысль о том, что он боится, снова подняла его. «Я не могу бояться»,—подумал он и медленно слез с лошади между орудиями. Он передал приказание и не уехал с батареи. Он решил, что при себе снимет орудия с позиции и отведет их. Вместе с Тушиным, шагая через тела и под страшным сгнем французов, он занялся уборкой орудий.

— А то приезжало сейчас начальство, так скорее дра-ло,—сказал фейерверкер князю Андрею,—не так, как наше благородие.

Князь Андрей ничего не говорил с Тушиным. Они оба были так заняты, что, казалось, и не видали друг друга. Когда, надев уцелевшие из четырех два орудия на передки, они двинулись под гору (одна разбитая пушка и еди-норог были оставлены), князь Андрей подъехал к Тушину.

— Ну, до свидания,—сказал князь Андрей, протяги-вая руку Тушину.

— До свидания, голубчик,—сказал Тушин,—милая душа. Прощайте, голубчик,—сказал Тушин со слезами, которые неизвестно почему вдруг выступили ему на гла-за.

...Недалеко от костра артиллеристов, в приготовленной для него избе, сидел князь Багратион за обедом, разгова-ривая с некоторыми начальниками частей, собравшимися

у него. Тут был старичок с полузакрытыми глазами, жадно обгладывавший баранью кость, и двадцатидвухлетний безупречный генерал, раскрасневшийся от рюмки водки и обеда, и штаб-офицер с именовым перстнем, и Жерков, спокойно оглядывавший всех, и князь Андрей, бледный, с поджатыми губами и лихорадочно блестящими глазами.

..На пороге показался Тушин, робко пробиравшийся из-за спин генералов. Обходя генералов, в тесной избе, сконфуженный, как и всегда при виде начальства, Тушин не рассмотрел древка знамени и спотыкнулся на него. Несколько голосов засмеялось.

— Каким образом орудие оставлено? — спросил Багратион, нахмурившись не столько на капитана, сколько на смеявшихся, в числе которых громче всех слышался голос Жеркова.

Тушину теперь только, при виде грозного начальства, во всем ужасе представилась его вина и позор в том, что он, оставшись жив, потерял два орудия. Он так был взволнован, что до сей минуты не успел подумать об этом. Смех офицеров еще больше сбил его с толку. Он стоял перед Багратионом с дрожащею нижнею челюстью и едва проговорил:

— Не знаю... ваше сиятельство... людей не было, ваше сиятельство.

— Вы бы могли из прикрытия взять.

Что прикрытия не было, этого не сказал Тушин, хотя это была суцая правда. Он боялся подвести этим другого начальника и молча, остановившимися глазами смотрел прямо в лицо Багратиону, как смотрит сбившийся ученик в глаза экзаминатору.

Молчание было довольно продолжительно. Князь Багратисн, видимо, не желая быть строгим, не находилса что сказать; остальные не смели вмешаться в разговор.

Князь Андрей исподлобья смотрел на Тушина, и пальцы его рук нервически двигались.

— Ваше сиятельство, — прервал князь Андрей молчание своим резким голосом, — вы меня изволили послать к батарее капитана Тушина. Я был там и нашел две трети людей и лошадей перебитыми, два орудия исковерканными, и прикрытия никакого.

Князь Багратион и Тушин одинаково упорно смотрели теперь на сдержанно и взволнованно говорившего Болконского.

— И ежели, ваше сиятельство, позволите мне высказать свое мнение, — продолжал он, — то успехом дня мы обязаны более всего действию этой батареи и геройской стойкости капитана Тушина с его ротой, — сказал князь Андрей и, не ожидая ответа, тотчас же встал и отошел от стола.

Князь Багратион посмотрел на Тушина и, видимо, не желая выказать недоверия к резкому суждению Болконского и вместе с тем чувствуя себя не в состоянии вполне верить ему, наклонил голову и сказал Тушину, что он может идти. Князь Андрей вышел за ним.

— Вот спасибо, выручил, голубчик, — сказал ему Тушин.

Князь Андрей оглянул Тушина и, ничего не сказав, отошел от него.

ПОДВИГ АНДРЕЯ БОЛКОНСКОГО

(Том I, ч. 3-я, гл. XVI; т. II, ч. 1-я, гл. VII)

...Французы атаквали батарею и, увидав Кутузова, выстрелили по нем. С этим залпом полковой командир схватился за ногу; упало несколько солдат, и подпрапорщик, стоявший со знаменем, выпустил его из рук:

знамя зашаталось и упало, задержавшись на ружьях соседних солдат. Солдаты без команды стали стрелять.

— Ооох... — с выражением отчаяния промышчал Кутузов и оглянулся. — Болконский, — прошептал он дрожащим от сознания своего старческого бессилия голосом, — Болконский, — прошептал он, указывая на расстроенный батальон и на неприятеля, — что ж это?

Но прежде, чем он договорил эти слова, князь Андрей, чувствуя слезы стыда и злобы, подступавшие ему к горлу, уже соскакивал с лошади и бежал к знамени.

— Ребята, вперед, — крикнул он детски-пронзительно. — «Вот оно», — думал князь Андрей, схватив древко знамени и с наслаждением слыша свист пуль, очевидно направленных именно против него. Несколько солдат упало.

— Ура, — закричал князь Андрей, едва удерживая в руках тяжелое знамя, и побежал вперед с несомненной уверенностью, что весь батальон побежит за ним.

Действительно, он пробежал один только несколько шагов. Тронулся один, другой солдат, и весь батальон с криком «ура» побежал вперед и обогнал его. Унтер-офицер батальона, подбежав, взял колебавшееся от тяжести в руках князя Андрея знамя, но тотчас же был убит. Князь Андрей опять схватил знамя и, волоча его за древко, бежал с батальоном. Впереди себя он видел наших артиллеристов, из которых одни дрались, другие бросали пушки и бежали к нему навстречу; он видел и французских пехотных солдат, которые хватали артиллерийских лошадей и поворачивали пушки. Князь Андрей с батальоном был уже в двадцати шагах от орудий. Он слышал над собой непрерывавший свист пуль, и беспрестанно справа и слева от него охали и падали солдаты. Но он не смотрел на них: он вглядывался только в то, что происходило впереди его — на батарее. Он ясно видел уже одну фигуру рыжего артиллериста с сбитым набок кивером, тянущего с одной

стороны банник, тогда как французский солдат тянул банник к себе за другую сторону. Князь Андрей видел уже ясно растерянное и вместе озлобленное выражение лиц этих двух людей, видимо, не понимавших того, что они делали.

«Что они делают? — думал князь Андрей, глядя на них, — зачем не бежит рыжий артиллерист, когда у него нет оружия? Зачем не колет его француз? Не успеет добежать, как француз вспомнит о ружье и заколет его».

Действительно, другой француз, с ружьем наперевес, подбежал к борющимся, и участь рыжего артиллериста, все еще не понимавшего того, что ожидает его, и с торжеством выдернувшего банник, должна была решиться. Но князь Андрей не видел, чем это кончилось. Как бы со всего размаха крепкой палкой кто-то из ближайших солдат, как ему показалось, ударил его в голову. Немного это больно было, а главное неприятно, потому что боль эта развлекала его и мешала ему видеть то, на что он смотрел.

«Что это? я падаю? У меня ноги подкашиваются», — подумал он и упал на спину. Он раскрыл глаза, надеясь увидеть, чем кончилась борьба французов с артиллеристами, и, желая знать, убит или нет рыжий артиллерист, взят или спасены пушки. Но он ничего не видал. Над ним не было ничего уже, кроме неба — высокого неба, не ясного, но все-таки неизмеримо высокого, с тихо ползущими по нем серыми облаками.

...Прошло два месяца после получения известий в Лысых Горах об Аустерлицком сражении и о гибели князя Андрея, и, несмотря на все письма через посольство и на все розыски, тело его не было найдено, и его не было в числе пленных. Хуже всего для его родных было то, что оставалась все-таки надежда на то, что он был поднят жителями на поле сражения и, может быть, лежал выздо-

равливающий или умирающий где-нибудь один, среди чужих, и не в силах дать о себе вести... Через неделю после газеты, принесшей известие об Аустерлицкой битве, пришло письмо Кутузова, который извещал князя об участии, постигшей его сына.

«Ваш сын, в моих глазах, — писал Кутузов, — с знаменем в руках, впереди полка, пал героем, достойным своего отца и своего отечества. К общему сожалению моему и всей армии, до сих пор неизвестно — жив ли он или нет. Себя и вас надеждой льщу, что сын ваш жив, ибо в противном случае в числе найденных на поле сражения офицеров, о коих список мне подан через парламентаров, и он бы поименован был».

КУТУЗОВ

(Гом III, ч. 2-я; том IV, ч. 4-я)

...Флигель-адъютант Вольцоген, тот самый, который говорил, что войну надо перенести в пространство и которого так ненавидел Багратион, во время обеда подъехал к Кутузову. Вольцоген приехал от Барклая с донесением о ходе дел на левом фланге. Благоразумный Барклай-де-Толли, видя толпы отбегающих раненых и расстроенные зады армии, взвесив все обстоятельства дела, решил, что сражение проиграно, и с этим известием прислал к главнокомандующему своего любимца.

Кутузов с трудом жевал жареную курицу и сузившись, повеселевшими глазами взглянул на Вольцогена.

Вольцоген, небрежно разминая ноги, с полупрезрительной улыбкой на губах, подошел к Кутузову, слегка дотронувшись до козырька рукою.

Вольцоген обращался с светлейшим с некоторой эффектированной небрежностью, имеющей целью показать, что

он, как высокообразованный военный, предоставляет русским делать кумира из этого старого, бесполезного человека, а сам знает, с кем он имеет дело. «Старый господин (как называли Кутузова в своем кругу немцы) покойно устраивается», — подумал Вольцоген и, строго взглянув на тарелки, стоявшие перед Кутузовым, начал докладывать старому господину положение дел на левом фланге так, как приказывал ему Барклай и как он сам его видел и понял.

— Все пункты нашей позиции в руках неприятеля и отбить нечем, потому что войск нет; они бегут, и нет возможности остановить их, — докладывал он.

Кутузов, остановившись жевать, удивленно, как будто не понимая то, что ему говорили, уставился на Вольцогена. Вольцоген, заметив волнение старого господина, с улыбкой сказал:

— Я не считал себя в праве скрыть от вашей светлости того, что я видел.. Войска в полном расстройстве..

— Вы видели? Вы видели? — нахмурившись, закричал Кутузов, быстро вставая и наступая на Вольцогена. — Как вы.. как вы смеете!.. — делая угрожающие жесты трясущимися руками и захлебываясь, закричал он. — Как смеете вы, милостивый государь говорить это мне! Вы ничего не знаете. Передайте от меня генералу Барклаю, что его сведения несправедливы и что настоящий ход сражения известен мне, главнокомандующему, лучше, чем ему.

Вольцоген хотел возразить что-то, но Кутузов перебил его.

— Неприятель отбит на левом и поражен на правом фланге. Ежели вы плохо видели, милостивый государь, то не позволяйте себе говорить того, чего вы не знаете. Извольте ехать к генералу Барклаю и передать ему на завтра мое неперменное намерение атаковать неприятеля, — строго сказал Кутузов.

Все молчали, и слышно было одно тяжелое дыхание задышавшегося старого генерала.

— Отбиты везде, за что я благодарю бога и наше храброе войско. Неприятель побежден, и завтра погоним его из священной земли русской, — сказал Кутузов, крестясь, и вдруг всхлипнув от настуливших слез.

Вольцоген, пожав плечами и скривив губы, молча отошел к стороне, удивляясь на это самодурство старого господина.

— Да, вот он мой герой, — сказал Кутузов к полному, красивому черноволосому генералу, который в это время входил на курган.

Это был Раевский, прошедший весь день на главном пункте Бородинского поля.

Раевский донесил, что войска твердо стоят на своих местах и что французы не смеют атаковать более.

Выслушав его, Кутузов, по-французски сказал:

— Вы, стало быть, не думаете, как другие, что мы должны ступить?

— Напротив, ваша светлость, в нерешительных делах остаётся победителем тот, кто упрямее, — отвечал Раевский, — и мое мнение...

— Кайсаров! — крикнул Кутузов своего адъютанта. — Садись, пиши приказ на завтрашний день. А ты, — обратился он к другому, — поезжай по линии и объяви, что завтра мы атакуем.

Пока шел разговор с Раевским и диктовался приказ, Вольцоген вернулся от Барклая и доложил, что генерал Барклай-де-Толли желал бы иметь письменное подтверждение того приказа, который отдавал фельдмаршал.

Кутузов, не глядя на Вольцогена, приказал написать этот приказ, который весьма основательно, для избежания личной ответственности, желал иметь бывший главнокомандующий.

И по неспродолимой таинственной связи, поддерживающей во всей армии одно и то же настроение, называемое духом армии и составляющее главный нерв войны, слова Кутузова, его приказ к сражению на завтрашний день, передались одновременно во все концы войска.

Далеко не самые слова, не самый приказ передавались в последней цепи этой связи. Даже ничего не было похожего в тех рассказах, которые передавали друг другу на разных концах армии, на то, что сказал Кутузов; но смысл его слов сообщился повсюду, потому что то, что сказал Кутузов, вытекало не из хитрых соображений, а из чувства, которое лежало в душе главнокомандующего, так же как и в душе каждого русского человека.

И узнав то, что на завтра мы атакуем неприятеля, из высших сфер армии услышав подтверждение того, чему они хотели верить, измученные, колеблющиеся люди утешались и ободрялись.

...5 ноября был первый день так называемого Красненского сражения. Перед вечером, когда уже после многих споров и ошибок генералов, зашедших не туда, куда надо; после рассылок адъютантов с противуприказаниями, когда уже стало ясно, что неприятель везде бежит, и сражения не может быть и не будет, Кутузов выехал из Красного и поехал в Доброе, куда была переведена в нынешний день главная квартира.

День был ясный, морозный. Кутузов с огромной свитой недовольных им, шушукующихся за ним генералов, на своей жирной белой лошадке ехал к Доброму. По всей дороге толпились, стогреваясь у костров, партии взятых нынешний день французских пленных (их взято было в этот день семь тысяч). Недалеко от Доброго огромная толпа оборванных, обвязанных и укутанных чем попало

пленных гудела говором, стоя на дороге подле длинного ряда отпряженных французских орудий. При приближении главнокомандующего говор замолк, и все глаза уставились на Кутузова, который в своей белой с красным околышем шапке и ватной шинели, горбом сидевшей на его сутуловых плечах, медленно подвигался по дороге. Один из генералов докладывал Кутузову, где взяты орудия и пленные.

Кутузов, казалось, был чем-то озабочен и не слышал слов генерала. Он недовольно щурился и внимательно и пристально вглядывался в те фигуры пленных, которые представляли особенно жалкий вид. Большая часть лиц французских солдат были изуродованы отмороженными носами и щеками, и почти у всех были красные, распухшие и гноившиеся глаза.

Одна кучка французов стояла близко у дороги, и два солдата — лицо одного из них было покрыто болячками, — разрывали руками кусок сырого мяса. Что-то было страшное и животное в том беглом взгляде, который они бросили на проезжавших, и в том злобном выражении, с которым солдат с болячками, взглянув на Кутузова, тотчас же отвернулся и продолжал свое дело.

Кутузов долго внимательно поглядел на этих двух солдат; еще более сморщившись, он прищурил глаза и раздумчиво покачал головой. В другом месте он заметил русского солдата, который, смеясь и трепля по плечу француза, что-то ласково говорил ему. Кутузов опять с тем же выражением покачал головой.

— Что ты говоришь? — спросил он у генерала, продолжавшего докладывать и обращавшего внимание главнокомандующего на французские взятые знамена, стоявшие перед фронтом Преображенского полка.

— А, знамена! — сказал Кутузов, видимо, с трудом отрываясь от предмета, занимавшего его мысли.

Он рассеянно оглянулся. Тысячи глаз со всех сторон, жидкая его слова, смотрели на него.

Перед Преображенским полком он остановился, тяжело вздохнул и закрыл глаза. Кто-то из свиты махнул, чтобы державшие знамена солдаты подошли и поставили их древками знамен вокруг главнокомандующего. Кутузов послал несколько минут и, видимо, неохотно, подчиняясь необходимости своего положения, поднял голову и начал говорить. Толпы офицеров окружили его. Он внимательным взглядом обвел кружок офицеров, узнав некоторых из них.

— Благодарю всех! — сказал он, обращаясь к солдатам и опять к офицерам. В тишине, воцарившейся вокруг него, отчетливо слышны были его медленно выговариваемые слова: — благодарю всех за трудную и верную службу. Победа совершенная, и Россия не забудет вас. Вам слава во веки! — Он помолчал, оглядываясь.

— Нагни, нагни ему голову-то, — сказал он солдату, державшему французского орла и нечаянно опустившему его перед знаменем преображенцев. — Пониже, пониже, как-то вот. Ура! ребята, — быстрым движением подбородка обратясь к солдатам, проговорил он.

— Ура-ра-ра! — заревели тысячи голосов.

Пока кричали солдаты, Кутузов, согнувшись на седле, склонил голову, и глаз его засветился кротким, как будто насмешливым блеском.

— Вот что, братцы, — сказал он, когда замолкли голоса...

И вдруг голос и выражение лица его изменились: перестал говорить главнокомандующий, а заговорил простой, старый человек, очевидно, что-то самое нужное желавший сообщить теперь своим товарищам.

В толпе офицеров и в рядах солдат произошло движение, чтоб яснее слышать то, что он скажет теперь.

— А вот что, братцы. Я знаю, трудно вам, да что же делать! Потерпите; недолго осталось. Вынудим го-стей, отдохнем тогда. За службу вашу вас царь не забудет. Вам трудно, да все же вы дома; а они — видите, до чего дошли, — сказал он, указывая на пленных. — Хуже нищих последних. Беда они были сильны, мы их не жалели, а теперь и пожалеть можно. Тоже и они люди. Так ребята?

Он смотрел вокруг себя и в упорных, почтительно недоумевающих, устремленных на него взглядах он читал сочувствие своим словам — лицо его становилось все светлее и светлее от старческой кроткой улыбки, звездами морщившейся в углах губ и глаз. Он помолчал и как бы в недоумении опустил голову.

— А и то сказать, кто же их к нам звал? Поделом им... — вдруг сказал он, подняв голову.

И взмахнув нагайкой, он галопом, в первый раз во всю кампанию, поехал прочь от радостно хохотавших и ревавших ура, расстроивавших ряды солдат.

А. А. Блок

Петроградское небо мутилось дождем,
На войну уходил эшелон.
Без конца — взвод за взводом и штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон.
В этом поезде тысячью жизнью цвели
Боль разлуки, тревоги любви,
Сила, юность, надежда... В закатной дали
Были дымные тучи в крови.
И, садясь, запевали «Варяга» одни,
А другие — не в лад — «Ермака»,
И кричали «ура», и шутили они,

И тихонько крестилась рука.
Вдруг под ветром взлетел опадающий лист,
Раскачнувшись, фонарь замигал,
И под черною тучей веселый горнист
Заиграл к отправленью сигнал.
И военною славой заплакал рожок,
Наполняя тревогой сердца.
Громыханье колес и охрипший свисток
Заглушило «ура» без конца.
Уж последние скрылись во мгле буфера,
И сшла тишина до утра,
А с дождливых полей все несло к нам «ура»,
В грозном клике звучало: пора.
Нет, нам не было грустно, нам не было жаль,
Несмотря на дождливую даль.
Это — ясная, твердая, верная сталь,
И нужна ли ей наша печаль?
Эта жалость — ее заглушает пожар,
Гром орудий и топот коней,
Грусть — ее застилает отравленный пар
С галицийских кровавых полей.

В. Я. Брюсов

СТАРЫЙ ВОПРОС

Не надо заносчивых слов,
Не надо хвальбы неуместной.
Пред строем опасных врагов
Сомкнемся спокойно и тесно.

Не надо обманчивых грез,
Не надо красивых утопий;

Но Рок подымает вопрос:
Мы кто в этой старой Европе?

Случайные гости? орда,
Пришедшая с Камы и с Оби,
Что яростью дышит всегда,
Все губит в бессмысленной злобе?

...Иль мы — тот народ часовой,
Сдержавший напоры монголов,
Стоявший один под грозой,
В века испытаний тяжелых?

Иль мы — тот народ, кто обрел
Двух сфинксов на отмели невиской,
Кто миру титанов привел,
Как Пушкин, Толстой, Достоевский?

Да, так, мы — славяне! Иным
Доньше ль наш род ненавистен?
Легендой ли кажутся им
Слова исторических истин?

И что же! священный союз
Ты видишь, надменный германец?
Не с нами ль свободный француз?
Не с нами ль свободный британец?

Не надо заносчивых слов,
Не надо хвальбы величавой,
Мы явим пред ликом веков,
В чем наше народное право.

СТАРУХА ИЗЕРГИЛЬ

(Отрывок)

..С моря поднималась туча — черная, тяжелая, суровых очертаний, похожая на горный хребет. Она ползла в степь. С ее вершины срывались клочья облаков, неслись вперед ее и гасили звезды одну за другой. Море шумело. Недалеко от нас, в лозах винограда, целовались, шептали и вздыхали. Глубоко в степи выла собака... Воздух раздражал нервы странным запахом, щекотавшим ноздри. От облаков падали на землю густые стаи теней и ползли по ней, ползли, исчезали, являлись снова... На месте луны осталось только мутное опаловое пятно, иногда его совсем закрывал сизый клочок облака.. И в степной дали, теперь уже черной и страшной, как бы притаившейся, скрывшей в себе что-то, вспыхивали маленькие голубые огоньки. То там, то тут они на миг являлись и гасли, точно несколько людей, рассыпавшихся по степи далеко друг от друга, искали в ней что-то, зажигая спички, которые ветер тотчас же гасил. Это были очень странные голубые языки огня, намекавшие на что-то сказочное.

— Видишь ты искры? — спросила меня Изергиль.

— Вон те, голубые? — указывая ей на степь, сказал я.

— Голубые? Да, это они... Значит, летают все-таки! Ну-ну... Я уже вот не вижу их больше. Не могу я теперь многого видеть.

— Откуда эти искры? — спросил я старуху.

Я слышал кое-что раньше о происхождении этих искр, но мне хотелось послушать, как расскажет о том же старая Изергиль.

— Эти искры от горящего сердца Данко. Было на свете сердце, которое, однажды, вспыхнуло огнем... И вот

от него эти искры. Я расскажу тебе про это... Тоже старая сказка...

...И вот она начала рассказ.

«Жили на земле в старину одни люди, непроходимые леса окружали с трех сторон таборы этих людей, а с четвертой — была степь. Были это веселые, сильные и смелые люди. И вот пришла однажды тяжелая пора: явились откуда-то иные племена и прогнали прежних в глубь леса. Там были болота и тьма, потому что лес был старый, и так густо переплелись его ветви, что сквозь них не видать было неба, и лучи солнца едва могли пробить себе дорогу до болот сквозь густую листву. Но когда его лучи падали на воду болот, то подымался смрад, и от него люди гибли один за другим. Тогда стали плакать жены и дети этого племени, а отцы задумались и впали в тоску. Нужно было уйти из этого леса, и для того были две дороги: одна — назад, — там были сильные и злые враги. Другая — впереди, — там стояли великаны-деревья, плотно обняв друг друга могучими ветвями, опустив узловатые корни глубоко в цепкий ил болота. Эти каменные деревья стояли молча и неподвижно днем, в сером сумраке, и еще плотнее сдвигались вокруг людей по вечерам, когда загорались костры. И всегда, днем и ночью вокруг тех людей было кольцо крепкой тьмы, оно точно собиралось раздавить их, а они привыкли к степному простору. А еще страшней было, когда ветер бил по вершинам деревьев и весь лес глухо гудел, точно грозил и пел похоронную песню тем людям. Это были все-таки сильные люди, и могли бы они пойти биться на смерть с теми, что однажды победили их, но они не могли умереть в боях, потому что у них были заветы, и коли б умерли они, то пропали б с ними из жизни и заветы. И потому они сидели и думали в длинные ночи, под глухой шум леса, в ядовитом смраде болота. Они сидели, а тени от костров прыгали вокруг

них в безмолвной пляске, и все казалось, что это не тени пляшут, а торжествуют злые духи, леса и болота... Люди все сидели и думали. Но ничто — ни работа, ни женщины не изнуряют тела и души людей так, как изнуряют тоскливые думы. И ослабли люди от дум... Страх родился среди них, сковал им крепкие руки, ужас родили женщины плачем над трупами умерших от смрада и над судьбой скованных страхом живых, — и трусливые слова стали слышны в лесу, сначала робкие и тихие, а потом все громче и громче... Уже хотели идти к врагу и принести ему в дар волю свою, и никто уже, испуганный смертью, не боялся рабской жизни... Но тут явился Данко и спас всех один».

Старуха, очевидно, часто рассказывала о горящем сердце Данко. Она говорила певуче, и голос ее, скрипучий и глухой, ясно рисовал передо мной шум леса, среди которого умирали от ядовитого дыхания болота несчастные, загнанные люди...

...«Данко — один из тех людей, молодой красавец. Красивые — всегда смелы. И вот он говорит им, своим товарищам:

«— Не своротить камня с пути думою. Кто ничего не делает, с тем ничего не станется. Что мы тратим силы на думу да тоску? Вставайте, пойдем в лес и пройдем его сквозь, ведь имеет же он конец — все на свете имеет конец! Идемте! Ну! Гей!..»

Посмотрели на него и увидали, что он лучший из всех, потому что в очах его светилось много силы и живого огня.

«Веди ты нас!» — сказали они.

Тогда он повел...»

Старуха помолчала и посмотрела в степь, где все густела тьма. Искорки горящего сердца Данко вспыхивали где-то далеко и казались голубыми воздушными цветами, расцветая только на миг.

«Повел их Данко. Дружно все пошли за ним — верили в него. Трудный путь это был! Темно было, и на каждом шагу болото разевало свою жадную гнилую пасть, глотая людей, и деревья заступали дорогу могучей стеной. Переплелись их ветки между собой; как змеи, протянулись всюду корни, и каждый шаг много стоил пота и крови тем людям. Долго шли они... Все гуще становился лес, все меньше было сил! И вот стали роптать на Данко, говоря, что напрасно он, молодой и неопытный, повел их куда-то. А он шел впереди их и был бодр и ясен.

Но однажды гроза грянула над лесом, зашептали деревья глухо, грозно. И стало тогда в лесу так темно, точно в нем собрались сразу все ночи, сколько их было на свете с той поры, как он родился. Шли маленькие люди между больших деревьев и в грозном шуме молний, шли они, и, качаясь, великаны-деревья скрипели и гудели сердитые песни, а молнии, летая над вершинами леса, освещали его на минутку синим, холодным огнем и исчезали так же быстро, как являлись, пугая людей. И деревья освещенные холодным огнем молний, казались живыми, простирающими вокруг людей, уходивших из плена тьмы, корявые, длинные руки, сплетая их в густую сеть, пытаясь остановить людей. А из тьмы ветвей смотрело на идущих что-то страшное, темное и холодное. Это был трудный путь, и люди, утомленные им, пали духом. Но им стыдно было сознаться в бессилии, и вот они в злобе и гнев обрушились на Данко, человека, который шел впереди их. И стали они упрекать его в неумении управлять ими, — вот как!

Остановились они и под торжествующий шум леса, среди дрожащей тьмы, усталые и злые, стали судить Данко.

«— Ты, — сказали они, — ничтожный и вредный человек для нас! Ты повел нас и утомил, и за это ты погибнешь!

«— Вы сказали: «веди!» — и я повел! — крикнул Данко, становясь против них грудью. — «Во мне есть мужество вести, вот потому я повел вас! А вы? Что сделали вы в помощь себе? Вы только шли и не умели сохранить силы на путь более долгий! Вы только шли, шли, как стадо овец!»

Но эти слова разъярили их еще более.

— «Ты умрешь! Ты умрешь», — ревели они.

А лес все гудел и гудел, вторя их крикам, и молнии разрывали тьму в клочья. Данко смотрел на тех, ради которых он понес труд, и видел, что они — как звери. Много людей стояло вокруг него, но не было на лицах их благородства и нельзя было ему ждать пощады от них. Тогда и в его сердце вскипело негодование, но от жалости к людям оно погасло. Он любил людей и думал, что, может быть, без него они погибнут. И вот его сердце вспыхнуло огнем желания спасти их, вывести на легкий путь, и тогда в его очах засверкали лучи того могучего огня... А они, увидав это, подумали, что он рассвирепел, отчего так ярко и разгорелись очи, и они насторожились, как волки, ожидая, что он будет бороться с ними, и стали плотнее окружать его, чтобы легче им было схватить и убить Данко. А он уже понял их думу, оттого еще ярче загорелось в нем сердце, ибо эта их дума родила в нем тоску.

А лес все пел свою мрачную песню, и гром гремел, и лил дождь...

«— Что сделаю я для людей?!» — сильнее грома крикнул Данко.

И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из нее свое сердце и высоко поднял его над головой.

Оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещенный этим факелом великой любви к людям, а тьма разлеталась от света его и там,

глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зев болота. Люди же, изумленные, стали как камни.

— «Идем!» — крикнул Данко и бросился вперед на свое место, высоко держа горящее сердце и освещая им путь людям.

Они бросились за ним, очарованные. Тогда лес снова зашумел, удивленно качая вершинами, но его шум был заглушен топотом бегущих людей. Все бежали быстро и смело, увлекаемые чудесным зрелищем горящего сердца. И теперь гибли, но гибли без жалоб и слез. А Данко все был впереди, и сердце его все пылало, пылало!

И вот вдруг лес расступился перед ним, расступился и остался сзади, плотный и немой, а Данко и все те люди сразу окунулись в море солнечного света и чистого воздуха, промытого дождем. Гроза была — там, сзади них, над лесом, а тут сияло солнце, вздыхала степь, блестела трава в брильянтах дождя и золотом сверкала река... Был вечер, и от лучей заката река казалась красной, как та кровь, что била горячей струей из разорванной груди Данко.

Кинул взор вперед себя на ширь степи гордый смельчак Данко, — кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо. А потом упал и — умер.

Люди же, радостные и полные надежд, не заметили смерти его и не видали, что еще пылает рядом с трупом Данко его смелое сердце. Только один осторожный человек заметил это и, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой... И вот оно, рассыпавшись в искры, угасло...

Вот откуда они, голубые искры степи, что являются перед грозой!»

234

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	<i>Стр.</i>
<i>Г. Р. Державин.</i> Гимн на прогнание французов из отечества	3
<i>Н. М. Карамзин.</i> Военная песнь (отрывок)	3
<i>К. Ф. Рылев.</i> Иван Сусанин	4
<i>Ф. Н. Глинка.</i> Москва	8
<i>М. Н. Заюскин.</i> Юрий Милославский, или русские в 1612 году (отрывок из романа)	10
<i>А. С. Пушкин.</i> Бородинская годовщина (отрывок)	13
Из „Евгения Онегина“ (отрывок)	14
Полтава (отрывок)	15
Медный всадник (отрывок)	18
<i>М. Ю. Лермонтов.</i> Родина	20
Бородино	21
Из поэмы „Сашка“ (отрывок)	24
<i>Н. П. Огарев.</i> Свобода	26
<i>А. В. Кольцов.</i> Военная песня	27
<i>И. С. Никитин.</i> Русь	28
<i>Н. А. Некрасов.</i> Кому на Руси жить хорошо (отрывок)	30
Поэт и гражданин (отрывок)	34
Мороз, красный нос (отрывок)	34
<i>Н. А. Добролюбов.</i> Дума при гробе Оленина (отрывок)	36
<i>А. Н. Островский.</i> Козьма Захарыч Минин Сухорук (отрывки) Действие 2-е. Сцена 1-я	38
Монолог Минина	42
<i>А. Н. Плещеев.</i> Была пора	44

<i>А. Н. Майков.</i> Сказание о 1812 годе	45
<i>Л. Н. Толстой.</i> Война и мир	
Батарея капитана Тушина	47
Подвиг Андрея Болконского	53
Кутузов	56
<i>А. Блок.</i> Петроградское небо мутилось дождем	62
<i>В. Я. Брюсов.</i> Старый вопрос	63
<i>А. М. Горький.</i> Старуха Изергиль (отрывок)	65

Редактор *Н. Зограф*

Л43048. Подписано в печать 24/VII 1943 г. . Искусство" № 2709. Печати. лист 2
Уч.-изд. лист. 28,94. В 1 печ. л.50400 зн. Тираж 30 000 (1-й завод 10 000). Зак. 12

Цена 3 руб.

Тип. „Красный печатник“ Гос. изд-ва „Искусство“, Москва, ул. 25 Октября, 5

Зруб.

10